

Научная статья

УДК 882

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-324-340

**Интерпретационные константы
и бесконечность перцепций
(к вопросу о восприятии произведений Ф. М. Достоевского
инокультурным читателем)**

Игорь Васильевич Ружицкий

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук
Москва, Россия

ruslang@ruslang.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1097-4998>

Аннотация

В статье рассматривается возможность систематизации многочисленных интерпретаций текстов Ф. М. Достоевского инокультурным читателем, а также личности самого автора, которые мы находим в зарубежной литературной критике, в фильмах, снятых по произведениям Достоевского, и театральных постановках, в выступлениях политиков, религиозных деятелей, во мнениях о писателе, высказанных известными литераторами или философами, в других источниках материала, в той или иной степени отражающих видение Достоевского носителями других культур, как западных, так и восточных. С целью формализации данных вводится термин «интерпретационная константа» — изложенная в сжатом виде идея, мысль, направление исследования, оценочное суждение и т. п. относительно творчества Достоевского. Показывается возможность классификации интерпретационных констант на основе их объединения вокруг того или иного концепта, являющегося в авторском тезаурусе ключевым.

© Ружицкий И. В., 2026

Ключевые слова

Достоевский, произведения художественной прозы, восприятие, интерпретация, носители иной культуры, интерпретационная константа

Для цитирования

Ружицкий И. В. Интерпретационные константы и бесконечность перцепций (к вопросу о восприятии произведений Ф. М. Достоевского инокультурным читателем) // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 324–340. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-324-340

**Interpretive constants and infinity of perception
(to the question of the perception
of the works of Fodor M. Dostoevsky
by a foreign-culture reader)**

Igor V. Ruzhitsky

The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

ruslang@ruslang.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1097-4998>

Abstract

The article discusses the possibility of systematizing the numerous interpretations of Fodor M. Dostoevsky's texts by a foreign-culture reader, as well as the personality of the author himself, that we find in foreign literary criticism, in foreign films and theatrical productions based on Dostoevsky's works, in speeches by politicians and religious figures, in opinions about Dostoevsky expressed by famous writers or philosophers, and in other sources of material that somehow reflect the vision of Dostoevsky by other-culture bearers, both Western and Eastern. In order to formalize the data, the term "interpretative constant" is introduced, i. e. an idea, thought, research direction, value judgment, etc. regarding Dostoevsky's work put in a concise form. The possibility of classifying interpretative constants based on their association around a particular concept — a key one in the author's thesaurus — is shown.

Keywords

Dostoevsky, works of fiction, perception, interpretation, different-culture bearers, interpretive constant

For citation

Ruzhitsky I. V. Interpretive constants and infinity of perception (to the question of the perception of the works of Fodor M. Dostoevsky by a foreign-culture reader). *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2026, no. 1, pp. 324–340. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-324-340

Предварительные замечания

Тема восприятия произведений Ф. М. Достоевского (как и личности самого автора) носителями других культур, прежде всего западных (первые серьезные исследования творчества писателя появились в Нидерландах, Великобритании, Германии и во Франции), за последние полвека стала одной из самых популярных в достоевистике. Тем не менее, как это часто бывает практически с любым научным направлением, чрезмерная популярность темы приводит к стремящемуся к бесконечности производству вторичных текстов, всеохватывающее изучение которых вряд ли представляется возможным. Даже в какой-то отдельной стране, например в Китае, не говоря уже о европейских странах, решение задачи комплексного исследования и систематизации всех литературно-критических работ, посвященных творчеству Достоевского, вряд ли осуществимо даже при помощи искусственного интеллекта, если учитывать не только опубликованные работы, но также большое количество научных «заимствований», в том числе и межкультурных, и создаваемый в результате таких заимствований информационный шум. Кроме того, решение вопроса о рецепции и перцепции читателем (под первым будем понимать восприятие вообще, безотносительно рефлексии, второе основано на осмыслении содержания текста и связано с его оценкой) литературного произведения во многом зависит от анализа других источников материала — высказанных известными политиками, учеными, религиозными деятелями и т. д. мнений о Достоевском, отражения восприятия произведений писателя в зарубежных фильмах и театральные постановках, данных опросов и ассоциативного эксперимента и т. п.

На терминологическом сочетании «бесконечность перцепций» («бесконечность восприятия») во многом основана философия Д. Юма [Hume, 1739–1740], одной из ее идей служит представление о сознании как непрерывной смене впечатлений, первичных восприятий, которые впоследствии обдумываются как идеи.

В разделе «О происхождении идей» Юм, в частности, писал:

All the perceptions of the human mind resolve themselves into two distinct kinds, which I shall call Impressions and Ideas. The difference betwixt these consists in the degrees of force and liveliness with which they strike upon the mind, and make their way into our thought or consciousness. Those perceptions, which enter with most force and violence, we may name *impressions*; and under this name I comprehend all our sensations, passions and emotions, as they make their first appearance in the soul. By *ideas* I mean the faint images of these in thinking and reasoning; such as, for instance, are all the perceptions excited by the present discourse, excepting only, those which arise from the sight and touch, and excepting the immediate pleasure or uneasiness it may occasion [Hume, 1739–1740].

Полагаем, что текст литературного произведения в данном отношении ничем принципиально не отличается от любых других объектов действительности, и бесконечность его перцепций обусловлена, помимо всего прочего, гипотетической неисчислимостью его читателей. Такие свойства литературного произведения, как наличие субъекта авторской языковой личности и, как правило, субъектов языковых личностей персонажей, лишь усиливают потенциальную бесконечность его перцепций. Оговоримся тем не менее, что бесконечность перцепций вовсе не означает отсутствия возможности какого-либо инварианта восприятия, например все читатели «Войны и мира» согласны в том, что Лев Толстой любил созданные им образы Наташи Ростовой и Пьера Безухова.

Что касается другого термина, вынесенного в название статьи, — «интерпретационная константа», то он входит в одну парадигму с категориями «архетип», «доминанта», «максима», «генерализованное высказывание», «стереотип» и т. п. Все эти категории так или иначе связаны с перцепциями. Основанием для введения термина «интерпретационная константа» служит то, что, во-первых, все вышеназванные понятия соотносятся с коллективным сознанием, а интерпретационные константы можно выделить и в индивидуальном восприятии; во-вторых, наш подход предполагает анализ многочисленных эвентуальных источников материала, связанных не только с интерпретациями и реинтерпретациями текстов Достоевского, но и с суждениями относительно личности самого автора, включая его биографию. Существует и другие причины для ввода нового термина при решении поставленной задачи — систематизации перцепций.

Отметим, что отдельные из высказываемых ниже положений нашли отражение в [Ружицкий, Потемкина, 2024 (а, б)], а также в докладах на научных конференциях в Новосибирске (2024) и в Рио-де-Жанейро (2025), в настоящей статье проводится их уточнение и развитие.

Выявление интерпретационных констант как один из возможных способов систематизации перцепций Ф. М. Достоевского

В связи с рассматриваемой нами темой естественным образом возникают два вопроса: почему в качестве объекта для изучения перцепций выбран именно Достоевский и в чем состоит принципиальное отличие восприятия его текстов инофонами от восприятия носителями русской культуры?

Безусловно, за рубежом из русских писателей известен не только Достоевский, например в Индии не менее, а даже, возможно, более популярны Толстой и Чехов, в Бразилии — Булгаков, а в Китае — Н. Островский. Дело здесь тем не менее не в каких-то статистических фактах (книги кого из авторов продают бóльшим тиражом, по чьим произведениям снято больше фильмов и т. д.) и в различного рода спекуляциях такого рода информацией. На Россию и на русских иностранцы часто смотрят или пытаются посмотреть прежде всего через Достоевского — и в силу неизменной, скорее даже возрастающей актуальности его идей, во многом созвучных идеям западной философии, и потому что никто так много не писал о русском человеке, о «загадке русской души» (само сочетание ввел Н. А. Бердяев), ее антиномичности, как Достоевский. Можно было бы назвать и множество других причин, объясняющих, почему само имя «Достоевский» приобрело эмблематическую функцию. Важнейшей является то, что произведения Достоевского послужили объектом для создания большого количества интерпретаций, вторичных текстов, причем не только вербальных и не только интерпретаций, но и реинтерпретаций, служащих одним из показателей прецедентности: снятых на основе этих произведений фильмов, поставленных спектаклей, в том числе и балетных, комиксов и т. д. Среди зарубежных реинтерпретаций произведений Достоевского нет разве что рок-опер, они, впрочем, появились в русском музыкальном пространстве. Широта материала обуславливает и необходимость поиска его систематизации.

Что касается второго вопроса, то, безусловно, если рассматривать восприятие текста литературного произведения, а также его автора только с позиции «нравится — не нравится», то и русский, и зарубежный читатель Достоевского скажет примерно одно и то же:

«Идиот» не смогла дочитать до конца, почувствовала боль в костях, когда читала Достоевского; Достоевского тяжело читать; Мне очень нравятся произведения Достоевского. Кажется, что его романы обладают магической силой; У меня были страшные сны, когда я читала о преступлении Раскольникова; Его произведения скучные, трудно читать; Достоевский — великий писатель; Достоевский — великий христианин; Его творчества все хорошие, полезно читать; Достоевский — писатель, которого я ждал; Достоевский — великий антрополог; Не тратьте свое время на чтение этой книги (роман «Идиот»), она ужасна!; Если вы когда-нибудь захотите совершить убийство, лучше прочтите «Преступление и наказание».

Вряд ли по всем этим высказываниям можно легко опознать, кто их автор — русский или иностранец.

У нас нет ни малейшего сомнения, что причиной искаженного понимания текста литературного произведения может явиться принадлежность автора и читателя к разным культурным пространствам (не обязательно национально-культурным). Так, существование научных направлений, например применительно к достоевистике, литературно-критических и, шире, философских школ Германии, Франции, Великобритании, США, Японии, Бразилии и т. д., несомненно, обусловит различие в интерпретации того или иного текста. Тем не менее фактор влияния родной культуры на восприятие текста другой культуры, полагаем, часто преувеличен, если говорить о перцепциях текста.

Когда мы говорим о рецепции (и о перцепции) литературного произведения, важно учитывать в том числе и адекватное восприятие его эмоционального фона, зависящего, к примеру, от ритмического построения текста, использования модальных частиц, слов с суффиксами субъективной оценки и т. д. Это, надо отметить, едва ли не основная сложность перевода текстов Достоевского (конечно, не только Достоевского) на другие языки и причина их дефектного восприятия и понимания. Адекватно передать средствами другого языка идеи или концепты, несомненно, проще, чем транслировать эмоции (языковые способы их выражения изучены недостаточно) или языковую игру (*зла и сверлива, как буравчик; облизьяна зеленая* и т. п.). Хотя, вне всякого сомнения, передача на другие языки значения

какого-либо «обычного» слова, так же как и корректное объяснение его значения на русском языке, тоже может представлять определенные сложности. Известные всем переводчикам Достоевского примеры — *тоска*, *пошлость*, *общечеловек*, *всечеловек* и т. п., смысловое содержание и коннотация этих слов менялись в разные периоды творчества писателя.

Сказанное позволяет утверждать, что изучение потенциально бесконечных перцепций произведений Достоевского инофонами вполне оправданно, однако, как мы полагаем, при одном непеременимом условии: наличии векторов, помогающих систематизировать материал, каковыми являются интерпретационные константы (далее — ИК), т. е. изложенные в сжатом виде идеи, мысли, направления исследования, оценочные суждения и т. п. относительно творчества Достоевского.

Выявить ИК можно только путем комплексного анализа источников материала различного типа, при этом ИК должны быть сформулированы краткими, обычно до семи знаменательных слов, генерализованными высказываниями: «В науке и науковедении существует такое негласное мнение, что любую идею, будь то не имеющее аналогов открытие, беспрецедентное изобретение или даже просто результат нового системного обобщения ранее известных вещей, можно изложить, используя для этого всего семь слов-понятий» [Караулов, 2006, с. 42].

Источниками материала для обнаружения ИК явились следующие: *к* — литературная критика, результаты филологических исследований, *ф* — кинематограф, художественные фильмы, *т* — театральные постановки и рецензии на спектакли, *а* — анимация, мультипликационные фильмы, *э* — ассоциативный эксперимент, опрос (иностранцев читателей Достоевского, студентов, изучающих русский язык, и др.), *м* — манга, комиксы, мемы, *п* — выступление политика или религиозного деятеля, *и* — компьютерная игра, квест, *у* — учебное пособие, *фил* — мнение философа или писателя. Логично предположение о том, что чем больше источников материала разного типа, из которых выводится одна ИК, тем выше степень ее устойчивости. Другим показателем устойчивости ИК является ее повторяемость и воспроизводимость в различные временные промежутки, в основном связанные с возрастанием интереса к творчеству Достоевского, например с его юбилеем, годовщиной смерти или вообще с периодическими всплесками интереса к русской культуре во всем мире или в какой-то отдельной стране.

Приведем несколько примеров выводимости ИК.

Достоевский понял людей лучше, чем кто-либо (J. A. T. Lloyd) [цит. по: Феномен Достоевского, 2019, с. 16]; ... основной проблемой Достоевского является человек (Natorp) [Там же, с. 25]; Достоевский самый решительный, последовательный, неумолимый *поэт капиталистического человека* (O. Kaus) [Там же, с. 26]; Достоевский — творец высшего морального императива, призванного спасти человека как такового (T. Todorov) [цит. по: Достоевский во Франции, 2022, с. 103]; Достоевский — великий писатель (пилотный опрос).

В данном случае сами цитаты уже представляют собой достаточно четко сформулированные ИК.

Основной тезис философии жизни у человека, как мы читаем в «Сне смешного человека», — это признание вечной ценности за жизнью, как бы ни полна она была чудовищных страстей, греха и страданий... Человек у Достоевского впервые через страдание становится знающим (wissend). Настоящими «сынами земли» оказываются именно люди *после* того, как смешной человек «развратил их всех» (Natorp) [Там же, с. 24]; ... русский писатель [Достоевский], всякий раз чудом выживавший после казни, каторги, солдатчины, приступов болезни или страсти, представляет современному человеку руководство по жизни-после-смерти или по жизни-вместе-со-смертью, передает ему такой «внутренний опыт», который... представляет собой «утверждение жизни даже в смерти» (J. Kristeva) [цит. по: Достоевский во Франции, 2022, с. 118].

Из приведенных выше цитат можно вывести несколько ИК, но прежде всего «Для Достоевского самая главная человеческая ценность — это жизнь»^к.

Мы *радошно* должны принять вину всех во всем на себя. Вот — «рай» Достоевского (Natorp) [Там же, с. 25]; В романах Достоевского драма разыгрывается вокруг *грехов слова*: лжи, клеветы, предательства, отрицания. Чтобы увидеть их истинную тяжесть, недостаточно спросить, кто совершил преступление, поскольку основополагающая идея произведений Достоевского состоит в том, что *виновен каждый* [Аполлонии, 2020, с. 22].

Из данного контекста легко выводится ИК «Основная идея произведений Достоевского — „каждый за всех виноват“»^к.

У него показана та реальность, которая, по Фрейдю, обнаруживается скорее в сновидениях, чем в повседневной жизни (F. Gide) [цит. по: Феномен Достоевского, 2019, с. 28]; Девушкин — потенциальный соблазнитель [Там же, с. 22]; ... возможная смерть матери символически открывает

Вареньке вход в мир взрослой сексуальности [Там же, с. 43]; Влечение Вареньки к Покровскому представлено как готический роман ужасов, в котором переплетены страх сексуальных отношений и смерти [Там же]; Воспоминания Вареньки переполнены эротическими намеками... [Там же, с. 43].

Из этих и аналогичных цитат (ими просто пронизана книга К. Аполонио, в ней автор отталкивается от отрицания общепринятого варианта прочтения произведений Достоевского, т. е. инварианта восприятия) устанавливается ИК «Достоевский — русский Фрейд»^{к, ф}. Сходная ИК отражается в зарубежном кинематографе, в художественных фильмах и спектаклях, поставленных по произведениям Достоевского, а также в тех, где используются отсылки к текстам писателя, ставшими прецедентными (см. [Потемкина, Ружицкий, 2024 (а)]).

Как никакое иное произведение, «Бесы» подтверждают изречение М. де Вогюэ о том, что Достоевский — это «Шекспир сумасшедшего дома» [Геригк, 2016, с. 153].

ИК — «Достоевский — сумасшедший»^{к, э}. Аналогичная ИК выводится из многих оценочных суждений иностранных студентов-филологов:

Размышления Достоевского глубокие. Сам писатель похож на шизофреника, у него раскол души.

Приведем еще несколько примеров суждений иностранных учащихся о творчестве Достоевского и о самом писателе, полученных в результате пилотного опроса:

Достоевский — писатель с глубоким пониманием психологии человека, в его творчестве отражается стремление к поиску истины; Произведения Достоевского имеют глубину мышления, отражают сущность человеческой природы; В произведениях писателя тонкое изображение человеческой природы; Достоевский в основном копается в мыслях человека; Я использовал произведения Достоевского в качестве материала для кандидатской диссертации, и эти произведения писателя мне оставили «психологические травмы»; Я не люблю произведения Достоевского, но люди вокруг меня любят читать, поэтому я тоже прочитал некоторые из его книг; Язык Достоевского отличается жестоким характером, содержание романов заполнено отчаянной борьбой; Прочитав романы Достоевского, у меня возникло ощущение, что писатель никогда не смеется.

ИК — «Изучение внутреннего мира человека — главная тема творчества Достоевского»²; «Достоевский — модный писатель»³; «Достоевский — жестокий, мрачный писатель»³.

Для систематизации полученных данных необходима тематическая классификация ИК с опорой на какое-либо понятие, концепт, прежде всего 'ЧЕЛОВЕК'. Основания для выявления ключевых концептов в авторском тезаурусе с опорой на ресурсы «Идиоглоссария Достоевского» [СЯД 2008–2025] даны нами в [Ружицкий, 2024]. К таким ядерным понятиям относятся 'БОГ (ХРИСТОС)', 'ЖИЗНЬ' и 'СМЕРТЬ', 'СТРАДАНИЕ (БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ)', 'ЛЮБОВЬ, СТРАСТЬ' (либидо), 'БЕЗУМИЕ, СУМАСШЕСТВИЕ', 'СТРАХ', 'СМЕХ', 'РОССИЯ И РУССКИЕ', 'ПРАВОСЛАВИЕ', 'ДОБРО' и 'ЗЛО', 'ВИНА' и 'СОВЕСТЬ', 'СПАСЕНИЕ', 'НИГИЛИЗМ, РЕВОЛЮЦИЯ', 'ДЕНЬГИ' и некоторые другие. Таким образом, ИК могут распределяться следующим образом (подробнее см. [Ружицкий, Потемкина, 2024 (б)]):

'ЧЕЛОВЕК'

1. Изучение человека — главная тема творчества Достоевского ^{к, ф.}
2. Человек Достоевского ощущает чувство собственной важности ^{к.}
3. Романы Достоевского не о России и не о русском национальном характере, а о сложности человеческой души и о трагедии бытия ^{фил.}
4. Достоевский ищет в преступнике человека ^{фил.}

'БОГ (ХРИСТОС)'

1. Православный писатель, богоискательство — основная тема его творчества ^{к.}
2. В произведениях Достоевского действуют трансцендентные силы ^{к.}
3. Достоевский доказывает, что без Бога всё дозволено ^{к.}
4. Писатель на «ты» с истоком любого греха, но его бескрайняя любовь обращена к Христу ^{фил.}

'ДОБРО' и 'ЗЛО'

1. Зло может быть позитивным и плодотворным ^{к.}
2. Человеком движет страсть к постижению зла (сатаноидея Ивана) ^{к.}
3. Главной силой зла у Достоевского выступает женщина ^{к.}
4. Достоевский открыл людям, что зло является составляющей частью человеческой личности, вечно сопровождающей человечество ^{фил.}

'СТРАДАНИЕ (БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ)'

1. Все герои Достоевского в той или иной степени больны ^{к.}

2. Любил смерть, страдание больше, чем жизнь^к.
3. Страдание в русском мире объединяет людей^к.
4. Болезнь Достоевского — ключ к его творчеству^к.
5. Достоевский поставил точный диагноз болезни человечества^{фил}.

‘СУМАСШЕСТВИЕ, БЕЗУМИЕ’

1. Страдал психическими расстройствами, поэтому был «особенным»^ф.
2. Достоевский — сумасшедший^э.

‘ЛЮБОВЬ, СТРАСТЬ’ (либидо)

1. Все поступки героев обусловлены либидо^к.
2. Русский Фрейд^ф.
3. Эротизм — главный ключ к духовным тайнам Достоевского^к.

‘РОССИЯ И РУССКИЕ’

1. Не любил никого из представителей других наций^к.
2. Без Достоевского невозможно понять Россию и русский характер^{к, ф}.

‘ВИНА’ И ‘СОВЕСТЬ’

1. Искупление — спасение себя ради других^к.
2. Чувство виновности человека — самое положительное из всех переживаний^{к, ф, э}.

‘ПРАВДА’ И ‘ИСТИНА’

1. У Достоевского нет одной-единственной истины или правды, есть только истина, правда во множественном числе^{фил}.

‘НИГИЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ’

1. Революция — дело рук «сладострастников», «бесов»^к.

‘ПРЕСТУПЛЕНИЕ’

1. Создал универсальный образ преступника^ф.
2. Если вы захотите совершить убийство, прочитайте «Преступление и наказание»^э.

‘ИНФЕРНАЛЬНОЕ’, ‘ТАИНСТВЕННОЕ’

1. Изучал инфернальное^ф.
2. Интересовался сверхъестественным^ф.

ОЦЕНКА (как самого Достоевского, так и какого-то конкретного его произведения или персонажа)

1. Талантливый, но жестокий писатель ^{к, ф, т, фил.}
2. Понял суть жизни, он гений ^{к, ф, э.}
3. Произведения Достоевского страшные ^{ф, э.}
4. «Преступление и наказание» — главный роман Достоевского ^{к, м, и, э.}
5. Роман «Преступление и наказание» известнее, чем сам Достоевский ^{э, ф.}
6. После прочтения «Преступления и наказания» мучают страшные сны ^{э.}
7. «Преступление и наказание» можно рекомендовать в качестве лекарства от бессонницы ^{э, ф.}
8. Осилит Достоевского только потому, что это классика ^{э.}
9. [О романе «Идиот»] То «я тебя люблю», то «ненавижу», то «люблю», то «ненавижу» — тошнит от всего этого! ^{э.}
10. Не читал, но не люблю ^{э.}

РАЗНОЕ

1. Биография Достоевского нашла прямое отражение в его творчестве ^{к.}
2. Много написал, сидя в тюрьме ^{ф.}
3. Борец за справедливость, социальное равенство ^{ф.}
4. Писатель, который доверял языку ^{к.}
5. Изображает бедных и слабых ^{к, у.}
6. Для Достоевского важна тема насилия ^{к.}
7. Достоевский — душа женщины в оболочке русского мужика ^{к.}

Вполне естественно, что одна ИК может относиться к нескольким из выделенных нами групп. Оценочные суждения, как относительно самого Достоевского, так и какого-либо отдельного его произведения или героя, целесообразно объединять в отдельной группе ИК — ОЦЕНКА. Аналогичным образом (в самостоятельной группе) имеет смысл фиксировать различного рода нелепости — то, что в восприятии Достоевского носителем иной культуры у русского человека скорее всего вызовет улыбку, хотя подобные сентенции мы можем встретить, например, и у наших школьников или даже у людей, занимающихся научной деятельностью. Часто, касательно восприятия Достоевского инофонами, это связано с качеством перевода. Происходит довольно любопытная вещь: сначала какой-нибудь зарубежный литературный критик читает в переводе (а так обычно и происходит) Достоевского, затем на основе восприятия этого

чаще всего не полностью адекватного перевода создает свою интерпретацию творчества писателя, после чего его интерпретация транслируется на русский язык и является предметом изучения отечественных востоковедов. Результат — многократное искажение текста.

Приведем несколько примеров нелепостей, курьезов — только из одной книги и одного автора [Накамура, 2011]:

Помимо одного «я», Достоевский обладал и другим, больным «я». А еще он обладал талантом всё свое нутро преобразовывать в литературу; Достоевский — не работающий по инструкции таксидермист, а потому сработанные им чучела птиц оживают и поднимаются в небеса; У молодого Достоевского были близкие друзья-мужчины, но никакого опыта любви к женщине он не знал; И вот вдруг герой удостоивается сочувствия юной и простодушной проститутки по имени Лиза. Между ними возникает искреннее и горячее любовное чувство; На страницах романа появляются также: французский маркиз Де-Грие, английский коммерсант Астлей, французская Бланш — содержанка высокого пошиба. Генерал без ума влюблен в Бланш. Полине, похоже, нравится Де-Грие. Алексей и Астлей помогают Полине; Сулова влюбилась в Сальвадора и увивалась вокруг него; Достоевского всё время бросало от гордыни к самоуничижению и обратно, поэтому не исключено, что он временами требовал от Суловой любви таким же образом, что и Алексей у Полины; Жизненные невзгоды преследуют пьяницу Мармеладова и, в конце концов, он убегает с арены; Психологическим прототипом Пульхерии является, наверно, отец писателя, Михаил Достоевский; Сам Достоевский продолжал интроспективно врачевать свою душу Христом; Аглая преклоняется перед героизмом, ей хочется выбраться из болота своей жизни аристократки средней руки; Аглая активно понуждает его к женитьбе; Если бы он распахнул свой мужичий тулуп, под ним обнаружился бы глубочайший комплекс социальной неполноценности; От этих радостных признаний [Версилова] читатель покрывается стыдливой краской; Да, Грушенька чиста душой и уравновешенна, но она вовсе не аскетична, она распутна и распущена; Разумеется, в России можно было встретить не только людей, свихнувшихся на науке.

Заключение

В статье была сделана попытка разработать подход, позволяющий посредством выявления интерпретационных констант в различных текстах, отражающих восприятие Достоевского и его творчества носителями иных культур, и построения классификации интерпретационных констант ограничить бесконечность перцепций. При этом мы ни в коей мере не претендуем здесь на всеобъемлющий охват материала, но лишь показываем один из способов его систематизации.

Выявление и классификация интерпретационных констант, кроме того, даст возможность сравнить ключевые особенности восприятия текстов Достоевского в России и в других странах, имея к тому же прогнозирующую ценность — определение возможных тенденций развития достоевистики.

Список источников

Аполонио, К. Секреты Достоевского: чтение против течения. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 320 с.

Герцк, Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых». СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Нестор-История, 2016. 320 с.

Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942–2021 / под ред. С. Л. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 432 с.

Накамура, К. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб: Гиперион, 2011. 400 с.

СЯД — Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий. Т. I–V / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008–2021; Т. VI / под ред. И. В. Ружицкого. М.: Макс Пресс, 2025.

Феномен Достоевского. Западные исследования творчества писателя. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019. 720 с.

Список литературы

Караулов Ю. Н. Об «Идиоглоссарии Достоевского» // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 40–45.

Потемкина Е. В., Ружицкий И. В. Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 2. Особенности рецепции произведений Ф. М. Достоевского, отраженные в зарубежном кинематографе и театре // СТЕРНАНОС. 2024 (а). № 5 (67). С. 26–48.

Ружицкий И. В., Потемкина Е. В. Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 1. Прологомены // СТЕРНАНОС. 2024 (б). № 3 (65). С. 15–26.

Ружицкий И. В. Язык Ф. М. Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024. 606 с.

Hume, D. A treatise of human nature: in two vols. London, 1739–1740. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/bigge-a-treatise-of-human-nature> (дата обращения 18.05.2025).

Sources

Apollonio, K. Sekrety Dostoevskogo: chtenie protiv techeniya [Dostoevsky's secrets: reading against the grain]. Saint Petersburg, Academic Studies Press, 2020. 320 p. (in Russ.)

Dostoevskiy vo Frantsii: zashchita i proslavlenie russkogo geniya. 1942–2021 [Dostoevsky in France: the defense and glorification of the Russian genius. 1942–2021]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 432 p. (in Russ.)

Fenomen Dostoevskogo. Zapadnye issledovaniya tvorchestva pisatelya [Dostoevsky phenomenon. Western studies of the writer's work]. Moscow, Academic project; Fond «World», 2019. 720 p. (in Russ.)

Gerigk, Kh.-Yu. Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot «Zapisok iz Mertvogo doma» do «Brat'ev Karamazovykh» [Dostoevsky's literary skills in development. From “Notes from the Dead House” to “The Brothers Karamazov”]. Saint Petersburg, Pushkin House; Nestor-Istoriya, 2016. 320 p. (in Russ.)

Nakamura, K. Slovar' personazhey proizvedeniy F. M. Dostoevskogo [Dictionary of characters of the works of Fodor M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, Giperion, 2011. 400 p. (in Russ.)

Slovar' yazyka Dostoevskogo: idioglossariy [Dictionary of Dostoevsky's language: idioglossary]. Vol. 1–5. Yury N. Karaulov (ed.). Moscow,

Azbukovnik, 2008–2021; Vol. 6. Igor V. Ruzhitsky (ed.). Moscow, Maks Press, 2008–2021. (in Russ.)

References

Hume, D. A treatise of human nature: in two vols. London, 1739–1740. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/bigge-a-treatise-of-human-nature> (accessed 18.05.2025).

Karaulov Yu. N. Ob «Idioglossarii Dostoevskogo» [On “Idioglossary of Dostoevsky”]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2006, no. 4, pp. 40–45. (in Russ.)

Potemkina E. V., Ruzhitskiy I. V. Dostoevskiy v vospriyatii nositelya inoy kul'tury: interpretatsionnye konstanty. Stat'ya 2. Osobennosti retseptsii proizvedeniy F. M. Dostoevskogo, otrazhennyye v zarubezhnom kinematografe i teatre [Dostoevsky in the perception of a different-culture bearer: interpretive constants. Article 2. Peculiarities of reception of the works of Fodor M. Dostoevsky reflected in foreign cinema and theater]. *STEPHANOS*, 2024 (a), no. 5 (67), pp. 26–48. (in Russ.)

Ruzhitskiy I. V. Yazyk F. M. Dostoevskogo: idioglossariy, tezaurus, eydos: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. [The language of Fodor M. Dostoevsky: idioglossary, thesaurus, eidos: monograph. 2nd ed., rev. and exp.]. Moscow, Moscow University, 2024. 606 p. (in Russ.)

Ruzhitskiy I. V., Potemkina E. V. Dostoevskiy v vospriyatii nositelya inoy kul'tury: interpretatsionnye konstanty. Stat'ya 1. Prolegomeny [Dostoevsky in the perception of a different-culture bearer: interpretive constants. Article 1. Prolegomains]. *STEPHANOS*, 2024 (b), no. 3 (65), pp. 15–26. (in Russ.)

Информация об авторе

Игорь Васильевич Ружницкий, доктор филологических наук

Information about the Author

Igor V. Ruzhitsky, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 10.11.2025;
одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 06.04.2026
The article was submitted on 10.11.2025;
approved after reviewing on 04.12.2025; accepted for publication on 06.04.2026*